

**УРОКИ НЕЛЮБВИ: ТРАДИЦИИ ЛИРИКИ А. БЛОКА И Н. ГУМИЛЕВА
В ЦИКЛЕ К. СИМОНОВА «С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ»**

В статье обосновывается важность лирики А. Блока и Н. Гумилева как источника концепции любви в цикле Симонова «С тобой и без тебя». Устанавливается характер интертекстуальных связей, определяются заимствованные мотивы и образы. Блоковский и гумилевский претексты взаимно дополняют друг друга, при этом поэзия Блока привлекается полностью, а творчество Гумилева избирательно: Симонов ориентируется только на цикл «К синей звезде». Традиции предшественников особенно важны для создания образа лирической героини. Героиня Симонова является воплощением Вечной Женственности, одновременно соединяет в себе черты демонической женщины, женщины-звезды, женщины-стихии, Руси-жены. В стихотворениях цикла выявлено не только сходство мотивов, но и прямые текстуальные переключки с поэзией Блока и Гумилева.

Ключевые слова: Вечная Женственность, демоническая женщина, традиция, мотив, претекст, аллюзия.

«С тобой и без тебя» — само название знаменитого цикла К. Симонова не только говорит о расколоте пространства на два полюса, но и свидетельствует о внутренней конфликтности состояния героя. Он, даже будучи рядом с возлюбленной, ощущает ее холодность, осознает фатальную невзаимность своей любви. Сила чувства, не смирившегося с компромиссным статусом, породила жажду чуда, иррационального разрешения коллизии, а поэтическая точность заставила Симонова вести поиск адекватного языка у поэтов, любовная лирика которых сопряжена с мистическими чаяниями. Современники не раз обвиняли поэта в бравировании старыми, несоветскими ценностями. В наши дни исследователи М. Чудакова [1], И. Кукулин [2] указывают на традиции Н. Гумилева в выстраивании Симоновым линии маскулинности. Но, по нашему мнению, в любовной лирике поэт избрал другой ориентир — творчество А. Блока — и лишь во вторую очередь лирику Н. Гумилева. Родственность героини Симонова образам А. Блока была отмечена в одном из первых откликов на издание «С тобой и без тебя» — в статье В. Александрова «Письма в Москву» [3], но далее оставлена без внимания практически всеми исследователями. В статье мы намерены выявить характер обращений К. Симонова к лирике А. Блока и Н. Гумилева, установить возможные аллюзии на их произведения и шире — определить влияние поэтики и мирообраза названных поэтов на любовный цикл Симонова.

Важность наследия Блока и Гумилева для Симонова подчеркивалась им самим. Так, в 1973 г. он, предлагая воскресить из забвения ряд писателей начала века, назвал в их числе и «такого значительного поэта, как Гумилев»: «Издадим при этом

* © Коржова И.Н., 2016

Коржова Инесса Николаевна (clen24@yandex.ru), отдел общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Орский колледж искусств, 462422, Российская Федерация, г. Орск, ул. Советская, 65.

избранные стихи Гумилева, потому что он написал много хороших и несколько не враждебных нам стихов, и сделал много замечательных переводов, и потому что нельзя писать историю русской поэзии XX века, не упоминая о Гумилеве <...>» [4, с. 20]. И. Абашидзе вспоминал о предвоенных годах общения с Симоновым: «В то время оба безмерно увлеченные поэзией Блока, прогуливаясь по набережной, наперебой читали вслух» [5, с. 140]. Блок был упомянут Симоновым как многолетний поэт-спутник в письме 1972 года: «Что до Блока, то о Блоке я думал тогда не меньше, чем сейчас. Он был одним из поэтов, которые жили для меня в годы войны» [6, с. 28–29]. Укрепляет нашу гипотезу тот факт, что, учась в ИФЛИ, советский поэт избирает в качестве темы диссертации творчество Блока [5, с. 384]. Такое изучение предполагает широкое знакомство с наследием поэта и многократное обращение к его текстам, и это, безусловно, не могло не оставить следа в профессионально восприимчивой памяти Симонова.

В рецепции Симоновым традиций Блока и Гумилева заметна неоднородность. Если наследие Блока вовлечено в круг «С тобой и без тебя» равномерно, то из любовной лирики Гумилева был преимущественно воспринят цикл «К синей звезде». Как раз в момент написания цикла Гумилев развернул свою поэтическую систему в сторону отвергаемого ранее символизма, и наиболее востребованной при этом оказалась блоковская традиция. В.В. Иванов указывает, что «в канцонах и примыкающих к ним по образности и теме стихотворениях, — Гумилев ближе всего к традиции Блока; он, по сути, приближается к воспеванию не просто женщины, а дантовской Беатриче, или Вечной Женственности» [7, с. 234]. По этой причине в цикле Симонова прямое блоковское влияние усилено опосредованным, идущим через поэтику зрелого Гумилева.

Думается, Симонова привлекли в творчестве обоих поэтов «реликты рыцарского идеала», столь подробно исследованные у Блока и Гумилева Г. Шелогуровой [8]. Куртуазная традиция с ее часто безнадежной устремленностью к Даме позволяла переосмыслить роль несчастного влюбленного, в которой оказался герой Симонова. Двусмысленный статус нелюбимого мужчины заменялся позицией безусловного рыцарского служения. В лирике Блока и Гумилева мотивы холодности Дамы ретранслировались с достаточной силой.

Именно роковые, губительные для героя начала отмечали современники Симонова в адресате его стихов: «...героиня, собственно, демоническая женщина, вамп. В мирной обстановке появление подобной героини в советской лирике вызвало бы недоумение, скандал» [9, с. 82]. Это суждение Л. Гинзбург совпадает с оценкой В. Александрова. В обоих случаях указание на демонизм образа звучало не как исследовательская констатация, а как осуждение шаблонности или несоветскости. Однако героиня Симонова действительно изображается полуинфернальной. Положение лирического героя отягощается не просто нелюбовью женщины, но ее прихотливым нравом, воплощенным непостоянством. Характеристики возлюбленной красноречивы: «далекую, неверную» [10, с. 167], «где с тою же злостью найти мне глаза» [10, с. 171], «таким же отпетым бывать, как она» [10, с. 172], «злой, бесценной, проклятой» [10, с. 172], «злую, ветреную, колючую» [10, с. 180], «с переменчивою северной душой» [10, с. 183], «редко ты меня жалела» [10, с. 185], «недобра была со мной» [10, с. 214], «все то зло, что на меня, как груз, навалено твоей рукою было» [10, с. 218]. Подобные черты возлюбленной настойчиво фиксировались и Блоком. Парадоксально, но наиболее тесные текстуальные совпадения связаны с его ранними стихотворениями: «Но старина не знала фей // С такой неверностью очей, // С душой изменчивой такой!» [11, IV, с. 29], «Я люблю эту ложь, этот блеск, // Твой манящий девичий наряд» [11, I, с. 102], «Неверная, лукавая, // Коварная — пляши!» [11, II, с. 193]. Л.И. Лазарев, единственный после В. Александрова поднявший воп-

рос о переключках между Блоком и Симоновым, сопоставляет фразы «Страстная, безбожная, пустая, незабвенная, прости меня!» и «Злую, ветреную колючую, // Хоть ненадолго, да мою». По мнению исследователя, «эта близость <...> была не чисто литературного свойства. Тут от жизни идущее сходство характера, судьбы героини, отношения к ней окружающих, которым она кажется не достойной высокого чувства, не заслуживающей добра. Постоянный внутренний спор с ними (это и безотчетный спор с самим собой – тем он драматичнее) проходит через цикл “С тобой и без тебя”» [6, с. 28]. Но речь может идти как раз о литературном, подчас чисто стилистическом влиянии. Узнаваемость блоковского следа связана с тем, что именно Блок сталкивает в одной строке противоречивые эпитеты, соединяет условно объективную характеристику и вторую, показывающую точку зрения опьяненного любовью героя. Вспомним: «Как ты лжива и как ты бела!» [11, I, с. 102].

Изъятые из контекста, «блоковские» фразы у Симонова звучат конкретнее, жестче, даже отзвуки стихотворений первого периода начинают дышать земной страстью и соединяются с характеристиками героини второго тома. Сам А. Блок предостерегал от смешения женских образов его лирики (см. воспоминания Н.А. Павлович), и большинство исследователей (З. Минц, А. Горелов) соблюдают авторскую волю. Однако Л. Панова прямо заявляет о тождестве героинь: «Наведение порядка должно начинаться с отчетливого понимания того, кто такие Прекрасная Дама, Владычица мира (Царица), Дева-Заря-Купина, Незнакомка или Снежная Дева в поэзии Блока. Эти и некоторые другие перифрастически названные героини сводимы к одному образу: Софии, первоначально мира» [12, с. 311–312]. Отнесение к Софийным текстам зрелых стихотворений Блока позволяет исследователю говорить об устрашающей демонизации образа Прекрасной Дамы. Вероятно, Симонов также видел в женских образах Блока отражение единой сущности и свободно соединял черты разных героинь поэта.

Раздвоенность героини Симонова («две рядом живущих души» [10, с. 172]), контрастность ее дневного и ночного образа напоминают о персонаже пьесы Гумилева «Гондла» Ларе-Лаик, хотя идея двойственности человека не была чужда уже архаическим представлениям. Заострим внимание лишь на том, что у обоих поэтов более милостивой к героям-мужчинам оказывается ночная ипостась возлюбленной. В лирике Блока облик героини также рисуется как преимущественно ночной.

Самой частотной атрибуцией героини Симонова является эпитет «злая». И если свою героиню Блок никогда не наделял такой характеристикой, то Гумилев использовал это определение. В стихотворении «Пролетела золотая ночь», относящемся, как и все далее цитируемые тексты, к циклу «К синей звезде», ночь, предлагая себя в качестве заместительницы героини, замечает: «Та, другая, вероятно, зла» [13, с. 22]. Мотив поиска замены важен для Симонова и развивается в стихотворениях «Я очень тоскую», «Я много жил в гостиницах», «Когда со мной страданием...». Его герой, как и герой Гумилева, отвергает возможность найти замену мучащей его женщине, акцентирует внимание на безволии перед силой собственного чувства. Сравним концовку «Пролетала золотая ночь» и симоновского «Когда со мной страданием...»:

*Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок
Слишком и без этого тяжел,
Неужели, если бы я мог,
От нее давно б я не ушел?*

*Смертной скорбью я теперь скорблю,
Но какой я дам тебе ответ,
Прежде чем ей не скажу «люблю»
И она мне не ответит «нет» [13,
с. 23].*

*Но всю свою науку
Я б продал за совет,
Как самому мне руку
Не дать тебе в ответ,*

*Без губ твоих, без взгляда
Как выжить мне полдня,
Пока хоть раз пощады
Запросишь у меня [10, с. 169].*

О сознательной ориентации Симонова на текст «Ночи» позволяет говорить близость синтаксических конструкций в финале (придаточное времени с ограничительным значением) и сходство рифм «ответ – нет» – «совет – ответ».

Помимо типа героини и средств ее обрисовки, в стихотворениях Блока и Симонова совпадает антураж свиданий: северная, зимняя природа. И здесь основным источником для Симонова становится цикл «Снежная маска». Ключевые символы вьюги, метели соотносимы не только с характером чувств героя, но и с изменчивой и губительной сущностью героини. Эти символы со всей совокупностью значений переходят в лирику Симонова. Образ возлюбленной у обоих поэтов словно проступает из снежной вьюги: «Твой голос слышен сквозь метели» [11, II, с. 154] – «Метель твоим бы голосом мне пела» [10, с. 204]. В стихотворении «Я много жил в гостиницах» Симонов создает абсолютно блоковскую иконографию возлюбленной, описывая ее запорошенное снегом лицо: «Глаза твои с ресницами // В ноябрьском первом инее» [10, с. 167], «С мороза губы талые, // От снега мной согреты» [10, с. 167]. Вспомним облик «Снежной маски»:

*И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы [11, II, с. 195].
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель... [11, II, с. 71]
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои [11, II, с. 180].*

Всего же теснее связаны два «зимних» стихотворения: «Я много жил в гостиницах» Симонова и относящееся еще к первому тому «Загляжусь ли я в ночь на метелицу» Блока. Зимнее свидание утрачивает ясность факта, подается сквозь призму сновидения.

<i>Загляжусь ли я в ночь на метелицу, Загорюсь – и погаснуть невмочь. Что в очах Твоих, красная девица, Нашептала мне синяя ночь.</i>	<i>Такой, что вдруг приснится мне; То серые, то синие Глаза твои с ресницами В ноябрьском первом инее.</i>
<i>Нашепталась мне сказка косматая, Нагадал заколдованный луг Про тебя сновиденья крылатые, Про тебя, неугаданный друг [11, IV, с. 172].</i>	<i>Я только так, обласканный, За то, что в ночь с порошею, За то, что в холод сказкою Согрел тебя хорошею [10, с. 167].</i>

Фантазмагоричность соединения героев подчеркнута словом «сказка». У Блока она звучит в самой ночи – в героине Симонова усилена беззащитность, теперь она сама нуждается в рассказанной мужчиной сказке. Но комбинация образов метели, сна, сказки та же, и их объединяет общий цветовой фон – синий свет.

В цикле «Снежная маска» Блок создает миф о женщине, родственной стихии, воплощающей ее неодолимую, не измеримую мерками человеческой нравственности сущность. Одним из самых блоковских стихотворений Симонова стало «Пусть прокляну впоследствии...», в котором героиня входит в жизнь возлюбленного «не женщиной – стихией», уподобляется «пожарищу», «землетрясению», «грозе» [10, с. 194]. Советский поэт ищет такой взгляд на свою любовную драму, который позволил бы вывести происходящее из-под власти предзаданных оценок. В этом стихотворении звучит столь близкое Блоку желание отдаться стихиям, готовность принять гибель от любви: «Нет исхода из вьюг, // И погибнуть мне весело» [11, II, с. 170] «Отчаявшись в спасении // и бредя наяву, // Как при землетрясении, // я при тебе живу» [10, с. 194].

Опора на традиции Блока и Гумилева позволяет Симонову не просто «оправдать» прихотливый нрав героини, но и увидеть в ее нраве отражение сущностных сил. Советский поэт подключается к неомифологическим тенденциям начала века, описанным З.Г. Минц: «...в “неомифологических” текстах русского символизма <...> план выражения задается картинами современной или исторической жизни или историей лирического “я”, а план содержания образует соотношение изображаемого с мифом. Миф, таким образом, получает функцию “языка”, “шифра-кода”, проясняющего тайный смысл происходящего» [14, с. 73]. В данном случае лирика Блока и Гумилева выполняет роль этого кода, а обилие аллюзий воплощает тенденцию к металитературности, свойственную неомифологизму.

Есть в лирике Симонова и еще одна ипостась женского образа, за которой угадывается долгая литературная традиция. Это образ женщины-звезды. Он многократно воссоздан в стихотворениях Блока и становится заглавным образом цикла Гумилева «К синей звезде». Название циклу дано по стихотворению «Я вырван был из жизни тесной» («Синяя звезда»), в нем, в отличие от блоковской лирики, сравнение со звездой умаляет сложность человеческой души: героиня «лишь синяя звезда» [13, с. 36]. К этой традиции примыкает стихотворение Симонова «Над черным носом нашей субмарины». Оно построено на довольно прихотливой аллегории, соединяющей оба прочтения образа. Героиня и ее окружение предстают в образе звезд, причем лишь она сохраняет свой высокий статус, а рядом с ней именно недолюди. Герой же остается верен своему человеческому облику и противопоставляет выморочной небесной любви полнокровное земное чувство: «На небе любят женщину от скуки // И отпускают с миром, не скорбя... // Ты упадешь ко мне в земные руки. // Я не звезда. Я удержу тебя» [10, с. 179]. Финал отсылает нас к пьесе Блока «Незнакомка», хотя и сделано это несколько полемически, ибо земная любовь оказывается у Симонова не пошлостью, а полнотой существования.

В стихотворении Гумилева «Рассыпающаяся звезды» ночные приходы героини уподобляются падающим звездам. В описании свиданий у Симонова и Гумилева отмечается текстуальное совпадение: «Тихо, тихо, нежно, как во сне, // Иногда приходишь ты ко мне» [13, с. 60] — «С меня довольно нежной, тайной, той, // Что в дом ко мне неслышно приходила» [10, с. 185]. Синий (или голубой) цвет, отсылающий к циклу Гумилева, становится знаковым для ряда стихотворений Симонова. Это цвет глаз его возлюбленной и таинственное сияние, окрашивающее воспоминания о ней или ее невидимое присутствие: «Под Вязьмой на синем ночном полустанке» [10, с. 186], «Она <ее фотография> под северным сияньем // В ту ночь казалась голубой» [10, с. 188], «Лишь мне понятным будь напоминаем: // В костре — неясным трепетом огня, // В метели — снега голубым порханьем» [10, с. 204]. Цветовая маркированность присутствия возлюбленной также является важным элементом поэтики Блока.

Прямая отсылка к звездному мифу Блока дана в стихотворении «Я, перебрав весь год, не вижу». Героиня появляется с характерными атрибутами: «Твой звездный плащ из старой драмы // И хлыст наездницы в руках» [10, с. 187], они отсылают нас к драме Блока «Песня судьбы». Силуэт Фаины, мелькнувший в видении Германа, описывается так: «Очертания женщины, пышно убранной в тяжелые черные ткани; по ним разметаны серебряные звезды, — на плечах и на груди — чаще и мельче, внизу — крупнее; на длинном шлейфе лежит большая алмазная звезда» [11, VI, с. 116], важную роль в сюжете играет бич, которым Фаина ударит Германа. Фраза «из старой драмы» прямо указывает на вторичность образа, но, насколько нам удалось выяснить, в 1940–1941 году В. Серова, прототип лирической героини, не участвовала в постановках пьес, где мог быть использован подобный реквизит.

Женский образ у Симонова может основываться на аллюзиях сразу на несколько произведений и создаваться как сплав небесного и inferнального. Однако есть в его

текстах отражение блоковских образов в их исходной целостности. В стихотворении «Хозяйка дома» героиня воплощает Вечно женственное начало и становится объектом поклонения не только для героя, но и для его друзей. Показательна отнесенность героини к высшим небесным сферам: «Ты и не знала страшной высоты, // Куда взлетала ты в минуты эти» [10, с. 190]. Перечисление ипостасей, кроющихся в ней, начинается с предельно абстрактного образа: «Перед отъездом ты была им тем, // За что мужчины примут смерть повсюду, — // Сияньем женским, девочкой, женой, // Невестой...» [10, с. 190]. Здесь Симонов наиболее открыто воплощает идею Вечной Женственности.

Наконец, в стихотворениях Симонова есть типично блоковский образ Родины-жены. И. Кукулин пишет, что образ «Руси-жены» был воспринят многими советскими поэтами: «Одним из источников описания “семейных” и эротических эмоций в новой песенной поэзии была националистическая метафорика “серебряного века”. Ср. например, “О Русь моя! Жена моя” из стихотворения А. Блока» [2, с. 10]. На Симонова, разумеется, мог повлиять и общий культурный фон, что не отменяет прямых текстовых переключек с Блоком. Военная ситуация, актуальность образа женщины-помощницы и спасительницы воина делают понятным обращение к циклу «На поле Куликовом...». Наиболее близкие образные совпадения отмечены в стихотворениях «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» и «Я, перебрав весь год, не вижу...». В обоих текстах описывается сошествие женщины, сопутствующей воину и оберегающей его. Симонов заимствует мотив свечения, символику белого.

*И с туманом над Непрядвой спящей, Казалось, в том же платье белом,
Прямо на меня Как в летний день снята была,
Ты сошла, в одежде свет струящей, Ты по камням оледенелым
Не спугнув коня [11, III, с. 171]. Со мной невидимо прошла [10, с. 188].*

У советского поэта мистика вплавлена в быт — свет излучает фотография любимой: «Она под северным сияньем // В ту ночь казалась голубой» [10, с. 188]. Обе героини, и это очевидно предопределено древними поверьями, появляются ночью, невидимые, неслышимые, но окруженные светом. Интересно, что именно в этом стихотворении упомянут звездный плащ из старой драмы. Это подтверждает нашу мысль о том, что рецепция Симоновым творчества Блока основана на тактике компиляции образов и разнонаправленности отсылок.

Не один источник имеет и стихотворение «Я в эмигрантский дом попал», в котором женщина и Родина сливаются воедино, что, конечно же, отсылает к известнейшему «Река раскинулась, течет, грустит лениво», хотя имеет и другие претексты, в частности «Ты — буйный зов рогов призывных». В последнем несчастливый возлюбленный, как впоследствии у Симонова, уподобляется изгнаннику. Строки Блока «Тебя провижу, как изгнанник // Провидит родину свою» [11, III, с. 140] развернуты Симоновым в сюжет с реалистическими деталями: советским паспортом, консульством, описанием эмигрантского дома. Но все эти реалии находят неожиданную психологическую параллель, сопрягаясь с мыслями о разлуке с любимой:

*К той женщине, что покидал
Я, как беглец страну... [10, с. 214]
Не откажись меня принять
Вновь в подданство твое [10, с. 215].*

Блоковское присутствие усилено еще одной отсылкой: размышления героя среди бала вовлекают в интертекстуальное поле стихотворения «Незнакомка»:

*И странной близостью закованный, И, как изгнанник, слушал я,
Смотрю за темную вуаль, Упав лицом на стол,
И вижу берег очарованный И видел дальние края
И очарованную даль. И пограничный столб.*

<p><i>И перья страуса склоненные В моем качаются мозгу, И очи синие бездонные Цветут на дальнем берегу [11, II, с. 123].</i></p>	<p><i>И там, за ним, твоё лицо Опять, опять, опять... Как обручальное кольцо, Что уж с руки не снять [10, с. 215].</i></p>
--	--

Опора на традиции Серебряного века позволяет Симонову создать образ женщины, соотносимой с мистическими или стихийными силами. И главное, поэт сохраняет присущие этому образу функции. Так, возлюбленная способна чудесным образом появляться перед героем, преображая его реальность. Мотив реализуется в стихотворениях «Я, перебрал весь год, не вижу», «Когда на выжженном плато», «Далекому другу», «Не раз выдав, как умирали...», «Я в эмигрантский дом попал», имплицитно в «Жди меня». Ситуация нисхождения многократно повторяется в «Стихах о Прекрасной Даме» Блока. Важно, что тексты Симонова более тесно связаны с теми произведениями, где встреча не происходит, оставаясь мечтой героя. Мотивное сходство обнаруживают стихотворения Блока «Грустя, и плача, и смеясь» и «Далекому другу» Симонова. И если у поэта-символиста приход возлюбленной вызван творческой силой стихов, то для Симонова магическим потенциалом обладает сама любовь:

<p><i>Но сквозь хрустальные струи Ты далека мне, как была... Поют и плачут хрустали... Как мне создать черты твои, Чтоб ты прийти ко мне могла Из очарованной дали? [11, III, с. 120]</i></p>	<p><i>И этот год ты встретишь без меня. Когда б понять ты до конца сумела, Когда бы знала ты, как я люблю тебя, Ко мне бы ты на крыльях долетела [10, с. 204].</i></p>
---	--

Мотив мистической встречи использует и Гумилев. Один из текстов сборника «К синей звезде», «Прощание», находит прямое отражение в стихотворении Симонова «Не раз выдав, как умирали». Оба посвящены невозможности свидания на поле боя. Для Гумилева она объясняется нелюбовью героини (та же причина невстречи фигурирует в стихотворении «Далекому другу» Симонова). А вот упомянутое «Не раз выдав, как умирали...» отражает тот этап, когда маятник отношений снова сблизил героя с возлюбленной и потребность в мистике притупилась, поэтому здесь невозможность чуда становится данью здравому смыслу. Оба текста описывают несостоявшееся свидание, которое могло бы произойти прямо на месте боя, оба обнаруживают переключки с народными песнями и плачем Ярославны, обещающей утереть раны на теле мужа.

<p><i>Ты не придёшь смочить водою Мои запёкшиеся губы.</i></p> <p><i>В часы последнего усилья, Когда и ангелы заблещут, Твои сияющие крылья Передо мной не затрепещут [13, с. 51].</i></p>	<p><i>Я утверждаю: не витали Над ними образы ничьи.</i></p> <p><i>И в миг кровавого тумана, Когда товарищ умирал, Воздушною рукою раны Ему никто не врачевал.</i></p> <p><i>Когда он с жизнью расставался, Кругом него был воздух пуст И образ нежный не касался Губами холодевших уст [10, с. 203].</i></p>
--	--

Тексты не просто развивают общие мотивы, но и имеют схожую организацию строф: описание гибели, отрицание возможности появления героини (главное предложение с отрицанием, предваренное придаточным с союзом «когда»).

Обращение Симонова к наследию поэтов Серебряного века прежде всего помогает создать образ лирической героини цикла «С тобой и без тебя». Это не просто противоречивая и пленительная женщина — она соприродна звездам, снежной метели, стихиям в

целом, а потому неподсудна земной морали. Более того, она приоткрывает некоторое иррациональное измерение в жизни вообще, ее любовь тайно определяет перипетии военной судьбы героя. Хотя Симонов воссоздает психологически рельефный облик женщины, порой она обретает некоторые надличностные черты, то становясь воплощением Вечно женственного, то ассоциируясь с Родиной. Неомифологический софийный дискурс необходим Симонову, так как позволяет преодолеть антиномию (одновременность состояния «с тобой и без тебя»), которую не под силу разрешить рациональному мышлению, поскольку «неомифологизм, зарождающийся у русских символистов, апеллируя к формам архаического, дологического мифологического мышления, стремился <...> преодолеть натурализм и казуальность позднейшей культуры, привести к осознанию исходных основ человеческого бытия» [15, с. 17]. В отличие от предшественников Симонов практически никогда не делает сверхличностный статус героини объективным: только для него героиня является воплощением судьбы. Но, как и его предшественники, он нуждается в личном мифе, претворяющем неразделенную любовь в высокое чаяние и делающем героиню средоточием жизненных основ.

Библиографический список

1. Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // НЛО. 2002. № 58. С. 223–259.
2. Кукулин И.В. Лирика советской субъективности: 1930–1941 // Филологический класс. 2014. № 1.
3. Александров В. Письма в Москву (К. Симонов: «С тобой и без тебя» и «Стихи 1941 г.») // Знамя. 1943. № 1. С. 149–160.
4. Страницы отечественной словесности // Смена. 1986. № 20.
5. Константин Симонов в воспоминаниях современников. М., 1984. 606 с.
6. Лазарев Л.И. Поэзия Константина Симонова // Симонов К. Стихотворения и поэмы. Л., 1982. С. 568.
7. Иванов В.В. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилева) // Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М., 2000. С. 220–245.
8. Шелогурова Г. Реликты рыцарского идеала в русской поэзии кризисной эпохи. А. Блок и Н. Гумилев // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 205–228.
9. Гинзбург Л.Я. Проходящие характеры. Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011. 600 с.
10. Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1982. 623 с.
11. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 1–8. М., 1997–2010.
12. Панова Л.Г. Софийный дискурс Александра Блока (на примере «Снежной Девы») // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008. С. 311–317.
13. Гумилев Н.С. К синей звезде. Неизданные стихи 1918 г. Берлин, 1923. 78 с.
14. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. М., 2004. С. 59–96.
15. Погребная Я.В. Аспекты современной мифопоэтики: учебное пособие, практикум. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 178 с.

References

1. Chudakova M.O. «*Voennoe*» stikhotvorenje Simonova «*Zhdi menia...*» (iul' 1941 g.) v literaturnom protsesse sovetskogo vremeni [Simonov's "war" poem "Wait for me" (July 1941) in the Soviet literary process]. *NLO*. 2002. no. 58. P. 223–259 [in Russian].
2. Kukulin I.V. *Lirika sovetskoi sub"ektivnosti: 1930–1941* [Lyric poetry of Soviet subjectivity. 1930–1941]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2014. no. 1 [in Russian].
3. Alexandrov V. *Pis'ma v Moskvu* (K. Simonov: «*S toboi i bez tebia*» i «*Stikhi 1941 g.*») [The letters to Moscow (K. Simonov: "With You and Without You" and "Poetry of 1941 year"). *Znamia* [Znamya]. 1943. no. 1. P. 149–160 [in Russian].
4. *Stranitsy otechestvennoi slovesnosti* [Pages of national literature]. *Smena*. 1986. no. 20 [in Russian].

5. *Konstantin Simonov v vospominaniakh sovremennikov* [Konstantin Simonov in the memoirs of contemporaries]. M., 1984. 606 p. [in Russian].
6. Lazarev L.I. *Poeziia Konstantina Simonova* [Konstantin Simonovs poetry]. In: *Simonov K. Stikhotvoreniia i poemy* [Poetries and poems]. L., 1982 [in Russian].
7. Ivanov V.V. *Zvezdnaia vspyshka (Poeticheskii mir N.S. Gumileva)* [Star flash (poetic world of N.S. Gumilyev)]. In: *Ivanov V.V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom 2* [Selected works on semiotics and cultural history. Vol. 2]. M., 2000. P. 220–245 [in Russian].
8. Shelogurova G. *Relikty rytsarskogo ideala v russkoi poezii krizisnoi epokhi. A. Blok i N. Gumilev* [Relics of the knightly ideal in Russian poetry of crisis era. A. Blok and N. Gumilyev]. *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature]. 2011. no. 6. P. 205–228 [in Russian].
9. Ginzburg L.Ya. *Prokhodiashchie kharaktery. Proza voennykh let. Zapiski blokadnogo cheloveka* [Passing characters. Prose of military years. Notes of a blockade person]. M., 2011. 600 p. [in Russian].
10. Simonov K. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poetries and poems]. L., 1982. 623 p. [in Russian].
11. Blok A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v dvadtsati tomakh. T. 1–8* [Complete collection of works and letters in twenty volumes. Vols. 18]. M., 1997–2010 [in Russian].
12. Panova L.G. *Sofiinyi diskurs Aleksandra Bloka (na primere «Snezhnoi Devy»)* [Alexander Blok's sophia discourse (on the example of "The Snow Maiden")]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Mezhdurazh'e i fantazii* [Logical analysis of language. Between a lie and a fantasy]. M., 2008. P. 311–317 [in Russian].
13. Gumilev N.S. *K sinei zvezde. Neizdannye stikhi 1918 g.* [To the blue star. Unpublished poems of 1918]. Berlin, 1923. 78 p. [in Russian].
14. Mints Z.G. *O nekotorykh «neomifologicheskikh» tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov* [About some «neomythological» texts in the works of Russian symbolists]. In: *Mints Z.G. Poetika russkogo simvolizma* [Poetics of Russian symbolism]. M., 2004. P. 59–96 [in Russian].
15. Pogrebnaya Ya.V. *Aspekty sovremennoi mifopoetiki: uchebnoe posobie, praktikum* [Aspects of modern mythopoetics: tutorial workshop]. Stavropol: Izd-vo SGU, 2010. 178 p. [in Russian].

*I.N. Korzhova**

LESSONS OF ABSENCE OF LOVE: TRADITIONS OF A. BLOK AND N. GUMILYEV IN K. SIMONOV'S CYCLE «WITH YOU AND WITHOUT YOU»

The article explains the importance of poetry by A. Blok and N. Gumilyev as the source of the conception of love in Simonovs cycle «With You and Without You». The author sets the nature of intertextual connections and determinates borrowed motives and images. Bloks and Gumilyevs pretexts complement each other, and at the same time Bloks poetry is used completely, and Gumilyevs works are used selectively: Simonov focuses only on cycle «To the Blue Star». The predecessors tradition is especially important to create an image of lyrical heroine. Simonovs heroine is the embodiment of the eternal feminine, she combines the features of demonic woman, woman-star, woman-element, Russia-wife. The paper shows the poems of the cycle are revealed not only similar motives but direct textual allusions to the poetry by Blok and Gumilyev.

Key words: eternal feminine, demonic woman, tradition, motive, pretext, allusion.

Статья поступила в редакцию 24/VIII/2016.
The article received 24/VIII/2016.

* *Korzhova Inessa Nikolaevna* (clen24@yandex.ru), Department of General Education, Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Orsk College of Arts, 65, Sovetskaya Street, Orsk, 462422, Russian Federation.